

ИВАН КАРПЕНКО*

А. С. КАРПЕНКО (1946–2017): ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ И ОСНОВНЫЕ ИДЕИ**

НАЧАЛО ПУТИ

Александр Карпенко (7 апреля 1946 – 7 февраля 2017) принадлежал к тем редким ученым, которые кардинально изменили сферу научной деятельности, уже состоявшись как специалисты в какой-то конкретной области. Из математической логики он пришел в философию науки, а точнее — в философию проблем космологии (и не только). Однако, как будет показано, в данном случае исследования позднего периода сохраняют преемственность по отношению к ранним — и, более того, составляют с ними единое целое.

Родился Александр в Куйбышевe, куда во время войны были эвакуированы его родители. Вскоре после окончания войны семья вернулась в Могилев, где прошла юность будущего ученого. Там он закончил школу и поступил в Могилевский машиностроительный техникум. Об учебе в техникуме у него остались самые теплые воспоминания. Именно там, как ни странно, сформировались зачатки будущих научных интересов, любовь к точным наукам и космологии.

Школьный период, напротив, Александр всегда считал пустой тратой времени и травматичным отрезком своей жизни. Вероятно, школа, в которой он учился в послевоенные годы, оказалась суровым испытанием. Он никогда не рассказывал деталей, но, когда пару лет назад я случайно нашел в сети видео, на котором его могилевскую школу, предназначенную под снос, взрывают, и прислал ему, он написал мне, что «готов смотреть на это бесконечно».

По окончании техникума он пошел в армию. И там принял решение поступать на философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, что

*Карпенко Иван Александрович, к. филос. н., доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), gobzev@hse.ru.

**© Карпенко, И. А. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

и осуществил с полным успехом. Впоследствии он признавался, что выбор был трудным. Его в то время в первую очередь интересовали астрофизика и математика.

В армии, должно быть, под влиянием запрещенной литературы, у него сформировалось жесткое антисоветское мировоззрение, которое сохранилось на всю жизнь. В полемике с друзьями он резко выступал против существующего строя, называя его тоталитарным. Покидая армию, он написал письмо командиру роты, в котором высказал свои радикальные соображения о существующем порядке в стране. К счастью для него, командир, ставший в армии его приятелем, не дал хода этому письму.

Именно это обстоятельство — недовольство существующим в то время в стране положением дел — толкнуло его в сторону гуманитарных наук (хотя первоначальный выбор был в пользу математики), а именно философии — как, по его мнению, дисциплины, имеющей самое тесное отношение к волнующим его проблемам. В действительности он хотел изучать социологию, но тогда в МГУ не было социологического факультета. Однако он быстро разочаровался, обнаружив, что весь материал на философском факультете преподавался в значительной степени в рамках марксистско-ленинской интерпретации гегелевской философии.

Вероятно, именно это заставило его выбрать для специализации кафедру логики — в своей математической части практически свободной от идеологических мотивов.

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ ИНТЕРЕСЫ

На философском факультете он обучался под руководством Елены Дмитриевны и Владимира Александровича Смирновых. Последний стал его наставником и другом и оставался таковым до своей смерти в 1996 г. Под руководством Смирнова в 1979 г. он защитил диссертацию на соискание степени кандидата философских наук «Проблема логического статуса высказываний о будущих событиях».

Диссертация посвящена анализу суждений о будущих событиях; за основу взято известное рассуждение Аристотеля о морском сражении. Напомним вкратце рассуждение Аристотеля в интерпретации Карпенко:

Предположим, сейчас истинно, что завтра будет морское сражение. Из этого следует, что не может быть, чтобы завтра не было морского сражения, иначе не было бы истинно, что морское сражение завтра будет. Следовательно, завтрашнее морское сражение является необходимым событием (принцип

необходимости). Подобно этому, если сейчас ложно, что завтра будет морское сражение, то необходимо, что морское сражение завтра не произойдет. Но сейчас истинно или ложно, что завтра будет морское сражение (принцип двузначности). Следовательно, или необходимо, что оно будет, или необходимо, что его не будет. Обобщая этот аргумент, получаем, что все в мире происходит по необходимости и нет ни случайных событий, ни свободы выбора (Карпенко, 2012: 40).

Очевидно, уже тогда его глубоко заинтересовала проблема возможного, а более конкретно — проблема связи потенциального и действительного с одной стороны и мыслимого и возможного — с другой. Вероятно, это произошло именно под влиянием трудов Аристотеля, однако также нельзя исключить влияния работ Парменида, Лукреция Кара, Джордано Бруно, Николая Кузанского и некоторых других философов.

Таким образом, уже в первой серьезной научной работе Карпенко проявился его интерес к тому, что впоследствии станет его главной исследовательской областью. Кстати, с его диссертацией связан интересный случай. Накануне защиты он забыл ее финальный текст в столовой, где обсуждал с друзьями содержание. А когда вспомнил об этом и вернулся, текста уже не было. Найти его не удалось: пришлось в кратчайшие сроки восстанавливать написанное, что и удалось успешно сделать — по сути, улучшив исходный текст.

После университета он начал работать в Институте философии РАН. Там под влиянием наставника его интересы на долгое время почти полностью свелись к математической логике. Он изучал многозначные логики, занимаясь проблемой построения соответствующих семантик, много участвовал в конференциях, в том числе в зарубежных. Все это время Владимир Смирнов руководил им и направлял его. Наверное, допустимо будет сказать, что известный профессор и ученый взял под свое крыло начинающего исследователя.

Примерно тогда же Карпенко заинтересовался проблемой структурализации простых чисел и порождения их классов. Персональных компьютеров в то время еще не было, и он вручную, с помощью бумаги и ручки, высчитывал последовательность простых чисел. Вспоминая об этом спустя годы, он признавался, что не понимает, каким образом без помощи компьютера смог зайти так далеко в создании списка простых чисел.

С этим периодом его научных интересов связана весьма печальная история. Дело в том, что листы с расчетами он складывал на рабочем столе в большие стопки. Однажды, когда его не было дома, я (мне было

тогда лет шесть) зашел в его комнату и увидел на столе беспорядок. Весь стол был завален бумагами. Я решил помочь отцу, ведь, как я решил тогда, невозможно ничего делать, когда на столе такой завал. Поэтому я брал эти стопки и одну за другой выносил их в мусоропровод. Из части сделал самолетики и запустил их с балкона, из другой — кораблики и устроил морское сражение (как тут не вспомнить Аристотеля!) в ванне.

Когда отец обнаружил, что произошло, он очень расстроился. Восстановить проделанную работу не было возможности — на это ушли бы годы. И он был вынужден переключиться на другое. Здесь я должен признаться, что вот так совсем невольно подтолкнул его ближе к интересу всей его жизни — философским проблемам космологии. Еще тогда, занимаясь почти исключительно логической проблематикой, он активно собирал литературу по астрофизике и ее философским основаниям, — это было, пожалуй, его страстью.

В тот же период не оставались забытыми и его изначальные интересы в области политических исследований. Так, его докторская диссертация (1991) представляет собой как бы сплав двух областей — логической и политологической. Она получила название «Фатализм и случайность будущего», и автор в ней в сложном контексте сопоставляет понятия фатализма и тоталитаризма, опять же анализируя категории возможного и необходимого, в данном случае в контексте многозначных логик.

Яркой канвой через все научное творчество Карпенко первого периода (до 2013 г.) проходит интерес к исследованиям Яна Лукасевича. Пожалуй, справедливым будет утверждение, что и к Аристотелю Карпенко пришел через Лукасевича, а не наоборот — и интересовался древним греком только постольку, поскольку им интересовался польский логик. В десятках его работ прослеживается осмысление логик Лукасевича; Лукасевич в значительной степени сформировал его логические интересы и мировоззрение, задав исследовательские ориентиры на многие годы. Это нельзя назвать случайностью: трехзначная логика Лукасевича непосредственно затрагивала тревожащую Карпенко проблему возможного.

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

В 2013 г. в научных интересах Карпенко произошел резкий поворот от логики к философии науки. С этого момента и вплоть до смерти в 2017 г. он (не переставая, впрочем, писать статьи и по логике) акцентирует внимание на философском анализе проблемы возможного

и необходимого, — точнее, на физико-философском, поскольку в современной науке именно физическая космология стала главенствующей дисциплиной в этом проблемном поле. Вернее будет сказать, что от логического контекста этой проблематики Карпенко переходит к ее же философско-физическому осмыслению.

По собственному признанию Карпенко, совершить прорыв и смену области научных исследований ему позволило знакомство с книгой Артура Лавджоя «Великая цепь бытия» (Лавджой, Софронюв-Антони, 2001), а также с книгами Р. Нозика (Nozick, 1981) и Д. Льюиса (Lewis, 2001). Во всех этих работах так или иначе затрагивается проблема возможных миров, но не столько в абстрактно-логическом смысле, сколько в философском и конкретно-физическом.

Этой теме посвящено несколько его обстоятельных статей (Карпенко, 2013а,б; 2014; 2015). Делая краткую выжимку — с неизбежной при этом неточностью — из его исследований, поздние идеи Карпенко можно представить следующим образом.

Анализируя соотношение категорий возможного и действительного в сфере популярных в физике XX и XXI вв. концепций мультивселенных¹, он приходит к выводу, что все возможное — необходимо. Под возможным он подразумевает мыслимое; таким образом, все, что может быть помыслено, с неизбежностью реализуется в действительности. Однако это не означает, что все должно произойти именно в этой реальности, этой условной Вселенной; различные вариации, различные реализации находят себе место в бесконечном множестве возможных миров.

Эти философские идеи Карпенко нельзя назвать спекуляцией, — они являются логически допустимыми следствиями некоторых концепций физики — таких, например, как знаменитая многомировая интерпретация (Everett, 1957), идеи струнного ландшафта (Сасскинд, Пасечник, 2015) и вечной инфляции (Виленкин, Сергеев, 2011), а также ряда других.

Надо сказать, что исследования в этой области привели Карпенко к твердой убежденности в реальном существовании возможных миров: для него это было не математической моделью, а действительным развитием событий (как в перечисленных концепциях), причем именно в результате доказательства того обстоятельства, что все мыслимое — необходимо.

¹Безусловно, такие концепции предлагались и ранее, но следствием строгих научных теорий они становятся только в XX в.

Разумеется, эта постановка вопроса отсылает к Пармениду с его тезисом о том, что мыслимое и существующее суть одно, а несуществующее — ничто, небытие — нельзя помыслить, поскольку оно не существует. Но раз так, раз мы мыслим только бытие, значит, мыслимое — существует. Тут, конечно, возможен очень сложный спор о словах: ведь можно сказать, что если мы и мыслим то, что может существовать, но оно не обязательно реально существует. Иначе говоря, ничего невозможного помыслить человек не может, но это не значит, что он мыслит только реально, в действительности существующее. На это в свою очередь следует возразить, что при наличии достаточного большого пространства и достаточного времени все возможное неизбежно где-то и когда-то реализуется. Но, если подумать, вовсе не обязательно: можно сказать, что хотя некая вероятность этого и есть, но остается вопрос о том, должны ли непременно все вероятности сбываться только на том основании, что они вероятности. Тут дело в выборе изначальной интуитивной аксиоматики: можно полагать, что возможность уже предполагает необходимость, иначе не было бы самой возможности, а можно, как уже было сказано, различать возможность и действительность, вообще избегая обязательного термина «необходимость».

Однако Карпенко настаивает, опираясь на анализ Лукасевичем аристотелевского рассуждения о морском сражении, что возможное — необходимо. Необходимо и то, что оно будет, и то, что его не будет, но в разных мирах. Здесь, для прояснения мысли, следует отойти от примера со сражением (которое все же не является случайным событием в строгом смысле, а обусловлено множеством определенных факторов, поскольку является событием макромира) и обратиться к событиям микромира. Знаменитый принцип неопределенности Гейзенберга говорит о том, что точные положение и импульс элементарной частицы не могут быть измерены одновременно. Чем точнее мы определяем положение, тем хуже осведомлены об импульсе, и наоборот. Таким образом, налицо принципиальная неопределенность состояния микромира, которая возводится в статус закона природы. Именно в этой ситуации — ситуации полной неопределенности — и становится возможным говорить о подлинно случайных событиях. Уравнение Шредингера описывает эволюцию волновой функции во времени, и до акта измерения оно фактически показывает, что измеряемое (элементарные частицы) может находиться где угодно (с разной степенью вероятности). Есть, конечно, наиболее вероятные положения, однако их немало, и о многих из них

можно говорить как о равновероятных. Но в момент измерения частица выбирает одно конкретное положение. Выбор ею местоположения объявляется случайностью. Здесь Карпенко вооружается принципом достаточного основания: если нечто происходит, то для этого должны быть причины, и если есть равные основания для того, чтобы частица оказалась в нескольких разных местах, значит, она там и оказывается. Но в разных мирах. Таким образом, все возможное — необходимо.

Конечно, тут возникает тонкий нюанс. Возможное в случае квантовой механики — это суперпозиция, представляющая собой сумму всех вероятных исходов. Но суперпозиция — это сумма не классических вероятностей, а квантовых, где ключевую роль играют комплексные числа. Таким образом, в каком-то смысле актуализацию возможного следует рассматривать как суперпозицию, и тогда все становится более сложным и туманным. В принципе, вся вселенная описывается одной волновой функцией, которая представляет собой суперпозицию всех квантовых вероятностей. Как это интерпретировать в переносе на наблюдаемую реальность — неясно, это вопрос открытый, но явно не в буквальном смысле, подразумевающим, что все исходы реализуются по отдельности (потому что речь идет не об обычных вероятностях). Попытки предложить интерпретации в классическом духе не имеют смысла, потому что классическая физика (основанная на привычной интуиции) описывает макромир, а квантовая механика — неклассическая и контринтуитивная. Иначе говоря, пытаясь осуществить философскую интерпретацию квантовой механики, мы просто говорим не о том (или ни о чем). Бессмысленно пытаться представлять непредставимое и вписывать это в привычную картину мира.

Очевидно, что в свете этой проблематики остро встает вопрос о сознании — но не в контексте традиционной проблематики философии сознания, а в контексте его взаимосвязи с множеством возможных миров. Вопрос, который тревожил Карпенко в последних статьях, можно сформулировать следующим образом: является ли сознание индивида единичным или множественным? Иначе говоря: обладают ли наши гипотетические копии в других мирах в точности таким же сознанием, и если да, то является ли оно одним и тем же? Согласно принципу тождества неразличимых — нет, не является, поскольку уже сам факт нахождения в разных мирах говорит о том, что тождества нет.

С другой стороны, сознание оказывается настолько сложной структурой (если его вообще можно назвать структурой), что здесь невозможно делать какие-то однозначные позитивные выводы, не разобравшись

в том, что такое сознание, каковы его специфические характеристики и как оно функционирует. Однако как раз в этих-то вопросах в современной философии сознания и присутствуют ключевые разногласия. В одной из последних статей (Карпенко, 2016а,б) он приходит к выводу, что сложность сознания превосходит сложность вселенной, тем самым, вероятно, соглашаясь с Дэвидом Чалмерсом (Чалмерс, Васильев, 2013) в пункте, что сознание не является логически супервентным на физическом уровне и, таким образом, не может быть редуцировано к законам физики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хорошо видно, что хотя в конце жизни научные интересы Карпенко поменялись, тем не менее, в его идеях прослеживается явная преемственность. Его изначальная увлеченность проблемой возможного и необходимого, того, что есть, что может быть и что должно быть, на раннем этапе базировалась на логических исследованиях, в первую очередь — на исследовании многозначных логик. Однако впоследствии он вышел за рамки чистого логико-математического анализа, как бы осознав то, к чему в итоге и пришел: интересующие его проблемы нельзя редуцировать к набору формул. Эти проблемы неразрывно связаны и с природой самого сознания. Нет сомнений, что если бы у него было еще время, он продолжил бы свои исследования именно в этой области — области философии сознания, что опять же совершенно закономерно, так как справедливо сказать, что одной из прародительниц современной философии сознания была логика.

В заключении кажется невозможным обойтись без такой важной составляющей творческого пути Карпенко, как его любовь к поэзии. Стихи он писал на протяжении всей жизни и издал три сборника. Завершая разговор о нем, я хочу привести здесь одно из последних его стихотворений.

Против всех кораблей
И неведомых птиц
Злые силы
Восстали земные,
И неведомо им —
Под покровами лиц
Тоже птицы,

Но только другие.
Много раз я летал,
Эти странные сны!
Руки крыльями
В небе сложились.
Каждый раз была ночь
И не видно Луны,

Корабли, корабли	Покидаю Борисов и Ниццу,
Хоть бы раз мне приснились!	Просыпаюсь к утру,
И не трачу минут,	Только птицы вокруг,
Я уже на борту,	Только птицы...

ЛИТЕРАТУРА

- Виленкин А.* Мир многих миров : физики в поисках иных вселенных / пер. с англ. А. Сергеева. — М. : Corrus, 2011.
- Карпенко А. С.* Ян Лукасевич против Яна Лукасевича // О принципе противоречия у Аристотеля : критическое исследование / Я. Лукасевич ; пер. с пол. Б. Т. Домбровского. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. — С. 19–50.
- Карпенко А. С.* Философский принцип полноты. Ч. I // Вопросы философии. — 2013а. — № 6. — С. 58–70.
- Карпенко А. С.* Философский принцип полноты. Ч. II // Вопросы философии. — 2013б. — № 7. — С. 95–108.
- Карпенко А. С.* Основной вопрос метафизики // Философский журнал. — 2014. — Т. 13, № 2. — С. 51–73.
- Карпенко А. С.* В поисках реальности: исчезновение // Философия науки. — 2015. — Т. 20. — С. 36–72.
- Карпенко А. С.* Сверхреализм. Часть I: От мыслимого к возможному // Философский журнал. — 2016а. — Т. 9, № 2. — С. 5–23.
- Карпенко А. С.* Сверхреализм. Часть II: От возможного к реальности // Философский журнал. — 2016б. — Т. 9, № 3. — С. 5–24.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия : история идеи / пер. с англ. В. Софронова-Антони. — М. : Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Саскинд Л.* Космический ландшафт : теория струн и иллюзия разумного замысла Вселенной / пер. с англ. А. Л. Пасечник. — СПб. : Питер, 2015.
- Чалмерс Д.* Сознательный ум : в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В. В. Васильева. — М. : Либроком, 2013.
- Everett H.* Relative State Formulation of Quantum Mechanics // Review of Modern Physics. — 1957. — Vol. 29. — P. 454–462.
- Lewis D.* On the Plurality of Worlds. — Oxford : Blackwell, 2001.
- Nozick R.* Philosophical Explanations. — Cambridge : Belknap Press, 1981.

Karpenko, I. A. 2017. "A. S. Karpenko (1946–2017): tvorcheskiiy put' i osnovnyye idei [Alexander Karpenko (1946–2017): Biography and Key Concepts]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 1 (4), 229–238.

IVAN KARPENKO

PHD IN PHILOSOPHY; ASSOCIATED PROFESSOR,
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, MOSCOW

ALEXANDER KARPENKO (1946–2017): BIOGRAPHY AND KEY CONCEPTS

REFERENCES

- Chalmers, D. 2013. *Soznayushchiiy um [The Conscious Mind]: v poiskakh fundamental'noy teorii [In Search of a Fundamental Theory]* [in Russian]. Trans. from the English by V. V. Vasil'yev. Moskva [Moscow]: Librokom.
- Everett, H. 1957. "Relative State Formulation of Quantum Mechanics." *Review of Modern Physics* 29:454–462.
- Karpenko, A. S. 2012. "Yan Lukasevich protiv Yana Lukasevicha [Jan Łukasiewicz versus Jan Łukasiewicz]" [in Russian]. In *O printsipe protivorechiya u Aristotelya [O zasadzie sprzeczności u Arystotelesa] : kriteskoye issledovaniye [studium krytyczne]*, by Ya. Lukasevich [J. Łukasiewicz], trans. from the Polish by B. T. Dombrovskiy, 19–50. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- . 2013a. "Filosofskiy printsip polnoty. Ch. I [Philosophical Principle of Fullness. Part I]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 6: 58–70.
- . 2013b. "Filosofskiy printsip polnoty. Ch. II [Philosophical Principle of Fullness. Part II]" [in Russian]. *Voprosy filosofii [Voprosy Filosofii]*, no. 7: 95–108.
- . 2014. "Osnovnoy vopros metafiziki [The Major Issue of Metaphysics]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 13 (2): 51–73.
- . 2015. "V poiskakh real'nosti: ischeznoveniye [In Search of Reality: The Disappearance]" [in Russian]. *Filosofiya nauki [Philosophy of Science]* 20:36–72.
- . 2016a. "Sverkhrealizm. Chast' I: Ot myslimogo k vozmozhnomu [Superrealism, Part I: From the Conceivable to the Possible]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 9 (2): 5–23.
- . 2016b. "Sverkhrealizm. Chast' II: Ot vozmozhnogo k real'nosti [Superrealism, Part II: From the Possible to the Reality]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 9 (3): 5–24.
- Lavdzhoy, A. [Lovejoy, A.] 2001. *Velikaya tsep' bytiya [The Great Chain of Being]: istoriya idei [A Study of the History of an Idea]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Sofronov-Antonomi. Moskva [Moscow]: Dom intellektual'noy knigi.
- Lewis, D. 2001. *On the Plurality of Worlds*. Oxford: Blackwell.
- Nozick, R. 1981. *Philosophical Explanations*. Cambridge: Belknap Press.
- Sasskind, L. [Susskind, L.] 2015. *Kosmicheskiiy landschaft [The Cosmic Landscape]: teoriya strun i illyuziya razumnogo zamysla Vselennoy [String Theory and the Illusion of Intelligent Design]* [in Russian]. Trans. from the English by A. L. Pasechnik. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Piter.
- Vilenkin, A. 2011. *Mir mnogikh mirov [Many Worlds in One]: fiziki v poiskakh inykh uselennykh [The Search for Other Universes]* [in Russian]. Trans. from the English by A. Sergeyev. Moskva [Moscow]: Corpus.